

Ассоциация еврейских национальных организаций
Республики Казахстан «Мицва»

Центральный государственный архив Комитета информации
и архивов Министерства связи и информации Республики Казахстан

ИСТОРИЯ. ПАМЯТЬ. ЛЮДИ

Материалы V международной конференции

28 октября 2010, г. Алматы

г. Алматы
2011

(ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В Московских архивах автор уже определил несколько фондов, которые содержат необходимые сведения по теме. Так, в фондах Еврейского антифашистского комитета и Переселенческого управления РСФСР имеются письма и доклады, касающиеся быта эвакуированных евреев.

В г. Алматы представляют интерес фонды Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального Государственного Архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Алматинского областного архива, и Центрального Государственного Архива г. Алматы. В АП РК значимы фонды Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, Алма-Атинского областного комитета Коммунистической партии Казахстана, Алма-Атинского городского комитета Коммунистической партии Казахстана и Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Казахстану. В этих фондах есть письма и докладные записки, которые содержат сведения об условиях жизни эвакуированных. В ЦГА РК предполагается исследовать фонды Совета Народных Комиссаров Казахской ССР, Переселенческого управления Совнаркома, Народного комиссариата просвещения Казахской ССР и Верховного суда Казахской ССР. Совнарком также получал много писем и заявлений от эвакуированных, и доклады инспекторов, описывающих их быт.

Мемуары и интервью с советскими и польскими евреями, эвакуированными на Восток в годы войны, – еще один важный источник исследования. Многие польские евреи, которые оказались в СССР в тот период, вернулись в Польшу в 1946 г. Когда они обнаружили что их родственники, оставшиеся в Польше, были уничтожены немцами, многие отправились на запад и большинство обосновались в США и Израиле. Там и были опубликованы их мемуары и воспоминание об их жизни в СССР в сороковые годы [2]. Архивы и библиотеки этих стран также имеют подборки воспоминаний эвакуированных евреев. В архиве-музее Холокоста в Вашингтоне есть великолепная коллекция мемуаров эвакуированных евреев. В этом архиве исследователи также могут получить доступ к объемной базе интервью с евреями, живущими по всему миру, о том, что с ними было в годы войны [3]. В этой коллекции имеется не мало интервью с людьми, эвакуированными в Казахстан, Узбекистан и Сибирь. Архив Яд Вашем в Израиле также содержит подобные материалы.

Таким образом, существующая источниковая база позволяет прогнозировать решение всех поставленных задач в ходе предпринимаемого исследования.

1. United States Holocaust Memorial Museum, Center for Advanced Holocaust Studies Archive, RG-31.053, Acc. 2006.343, pg. 33.
2. Несколько примеров: Herman Taube, *Kyzyl Kishlak, Refugee Village: a Novel* (Washington D.C.: Olami Press, 1993); Jack Pomerantz and Lyric Wallwork Winic, *Run East: Flight from the Holocaust* (Urbana: University of Illinois, 1997); Rabbi Alter Pekier, *From Kletzk to Siberia: a Yeshivah Bachur's Wanderings during the Holocaust* (Brooklyn, NY: Mesorah Publications, Ltd, 1985); K.S. Karol, *Between Two World: the Life of a Young Pole in Russia*. Trans. Eamonn McArdle (New York: Holt, 1986).
3. USC Shoah Collection.

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ [1]

Во время войны обширность территории СССР позволила некоторому числу евреев из западных областей страны найти убежище в её восточных частях. Из-за угрозы немецкой оккупации сюда же прибыли и евреи из районов, которые хоть и подвергались бомбардировке, но так и не были оккупированы в течение войны.

Всех евреев, оказавшихся в восточных областях, можно разделить на три категории: 1) советские граждане до 1939 г.; 2) новые советские граждане с аннексированных в 1939–1940-х гг. СССР территорий: Латвии, Литвы, Эстонии, восточных частей Польши и Румынии; 3) иностранцы, бежавшие на советскую территорию, главным образом из оккупированных Германией районов Польши с сентября 1939 г. до лета 1940 г. Некоторая часть из них была депортирована на восток, в рабочие лагеря, специальные трудовые поселения и места ссылки.

В советском официальном лексиконе и бегство, и организованный вывоз населения получили название эвакуация, чтобы завуалировать негативное восприятие слова «бегство», подчёркивавшее просчёты властей. Всё добровольно прибывшее в тыловые районы и даже депортированное из западных районов СССР в течение нескольких лет до немецкого нападения население во время войны получило название – *эвакуированные*. Но в данном исследовании из-за схожих условий все беженцы, эвакуированные, а также депортированные из западных областей перед войной и в октябре–декабре 1941 г. освобождённые бывшие польские граждане в контраст с советской историографией обобщённо называются беженцами. Объединение под таким общим именем представляется тем более оправданным из-за того, что подавляющее большинство «эвакуируемого» населения получало от властей мало помощи в дороге и по месту нового жительства. По необходимости, я использую также и термин *эвакуированные*, подразумевая под ним ту же самую категорию населения.

Центральные власти пытались помочь «эвакуированному населению», но делали они это не из чувства сострадания, а заботясь, прежде всего, о кадрах для военной промышленности и сельского хозяйства тыловых районов. Но даже эти попытки далеко не всегда были эффективными, поскольку часто не поддерживались низовыми администраторами, часть из которых не скрывала своей неприязни к беженцам. Едва ли лучше они воспринимались местным населением, видевшим в них, прежде всего, чужаков. Хотя такое отношение было ко всем, отношение к евреям зачастую усугублялось антисемитизмом.

Среди многих других тыловых административных единиц, в которых оказались беженцы и среди них евреи, был Казахстан. На территории Казахстана евреи впервые появились, по-видимому, очень давно. Согласно древней легенде ещё старец Хадрат-Султан (Ахмад Ясави, скончался в 1166/1167) обратил в ислам купца-еврея в казахских степях. Если легенда достоверна [2], то возможно обращённый был членом коммерческой сети еврейских купцов-раданитов, северный маршрут которых из Европы в Китай лежал через г. Киев и северное побережье Каспийского моря. Но вряд ли на территории Казахстана в средние века существовали сколько-нибудь большие еврейские общины.

В любом случае, евреи в Казахстане со временем полностью исчезли и вновь появились в XIX в. Бухарские евреи Якуб Колонтаров и Дауд Якубов в 1851 г. торговали в воздвигнутом в 1847 г. русскими на северо-востоке Аральского моря укреплении Раим [3]. Эти же и другие бухарские евреи начали торговлю в кибитках в форте № 1 (с 1867 – г. Казалинск) сразу со времени его основания в 1853 г. [4]. К 1862 г. у бухарских евреев там было 13 лавок, составлявшие 8,3 % от их общего числа [5]. В располагавшейся неподалеку от форта № 1 кокандской крепости Ак-Мечеть (с 1853 г. – г. Перовск, а с 1925 г. и до сегодняшнего дня – г. Кызылорда) бухарские евреи, вероятно, торговали ещё до её завоевания русскими в 1853 г. [6]. Сулейман Давыдов был первым среди бухарских евреев, кто поселился в Туркестане. Это произошло в 1857 г. [7]. По свидетельству Александра Гейнса, назначенного в 1867 г. первым управляющим канцелярией созданного туркестанского генерал-губернаторства, за год до этого в Туркестане проживало всего несколько евреев из Бухары и Коканда [8]. Приблизительно в конце 1850-х гг. отдельные бухарские евреи поселились также в гг. Чимкенте (ныне Шымкент) и Аулиеате (затем Джамбул, ныне Тараз).

Что касается ашкеназских евреев, то первыми переселенцами на территорию Казахстана были бывшие кантонисты, или, как их тогда называли, николаевские солдаты. Согласно российскому законодательству они имели право повсеместного жительства. Воспользовавшись этим правом, часть кантонистов после службы в Семиречье в 1850-х гг. не возвратились в черту оседлости, а осели на месте, главным образом в г. Верном (ныне г. Алматы). Постепенно еврейское население здесь увеличивалось и за счёт других категорий. Согласно данным одного из первых еврейских жителей г. Верного Шломо Крутика, к середине 1860-х здесь проживало 35 семей евреев (включая семьи военнослужащих) и ещё 25 семей в других городах Семиречья. Большинство занимались ремеслом [9].

В Семипалатинской обл. в 1850-х гг. проживали 199 евреев, среди которых женщины составляли только шестую часть [10]. Такое соотношение указывает на преобладание среди мужчин военнослужащих. В те же годы 19 ашкеназских евреев (все мужчины) проживали в Акмолинском окр., относившемся тогда к области Сибирских казахов [11]. Согласно переписи 1897 г. в Акмолинской обл. проживали 1628, в Семипалатинской – 302, в Семиреченской – 279, в Тургайской – 58 и Уральской – 128 евреев. По-видимому, эта статистика не учитывает бухарских евреев.

Еврейское население Казахстана особенно пополнилось в 1920–1930-х гг. за счёт высылаемых сюда ссыльных, составив по откорректированным данным переписи населения 1939 г. 12 600 чел. [12]. С конца 1939 г. по июль 1941 г. их число могло даже удвоиться в результате депортации сюда евреев из Прибалтики, Западных Белоруссии и Украины, а также Молдавии. Но в самом начале войны их численность сократилась в результате призыва на фронт.

Хотя сразу после нападения Германии советские власти создали эвакуационные ведомства с разветвлённой структурой, позже претерпевшие кадровые и структурные изменения [13], только 5 июля 1941 г. они начали составлять эвакуационные планы. Согласно планам приоритет вывоза с территорий, которым угрожала немецкая оккупация, отдавался ценному имуществу государственных учреждений и предприятий и лишь на второе и третье место ставился соответственно вывоз детей и стариков [14].

В малонаселённый Казахстан эвакуационные власти планировали отправить только в одной декаде июля 1941 г. 350 тыс. беженцев из Молдавии и Украины [15]. Казахстан вообще стал местом, куда направляли основной поток беженцев, прежде всего из Южных районов СССР [16]. Оттуда часть беженцев перераспределялась в другие среднеазиатские республики, а также в Сибирь или на Урал.

Эти планы по размещению эвакуированного населения первоначально строились на основе данных переписи 1939 г. о плотности населения в восточных регионах. Хотя стремление избежать большого процента беженцев относительно постоянных жителей было резонным, эмиграционные власти игнорировали такие важные факторы абсорбции прибывшего населения, как наличие запасов продовольствия, рабочих мест и свободного жилья. Уже позже центральным эвакуационным ведомствам пришлось откорректировать направления потоков беженцев.

В новых планах Совета по эвакуации при СНК СССР одно из приоритетных мест конечного размещения эвакуационного населения отводилось не только Казахстану, но и другим республикам Средней Азии. Она была выбрана властями не только из-за малой плотности населения, прежде всего в Казахстане, но и часто потому, что туда был самый короткий путь из Южных и Юго-Западных районов СССР: Молдавии, Юго-Восточной Украины, а затем Южных областей России и Северного Кавказа.

На практике распределение в значительной степени зависело от сиюминутных решений, загруженности железной дороги, наличия свободных вагонов, числа беженцев уже размещённых в тех или иных областях, краях и республиках. Имеющиеся данные позволяют проследить, откуда беженцы прибыли в г. Кзыл-Орду.

Беженцы по месту выхода в эшелоне, прибывшем в г. Кзыл-Орду в сентябре 1941 г. [17]

	число прибывших	их доля среди всех прибывших, %
Минская обл.	371	29,2
Могилёвская обл.	220	17,3
Эстонская ССР	156	12,3
Витебская обл.	143	11,2
Белостокская обл.	131	10,3
Латвийская ССР	84	6,6
Литовская ССР	60	4,7
Западная Украина	58	4,6
Брестская обл.	50	3,9
Всего	1,273	100

Со своей стороны местные эвакуационные чиновники, возможно по согласованию с местными властями, стремились перенаправить беженцев в соседние области или республики с тем, чтобы иметь поменьше забот с ними. Алма-Атинский эвакуационный пункт № 1 перенаправлял беженцев в другие республики Средней Азии, что

в конце октября 1941 г. вызвало гнев заместителя начальника эвакуационного отдела при СНК Казахстана М. Яковлева [18].

Архивы содержат множество документов с критикой деятельности эвакуационных ведомств со стороны прокураторы, правительства, беженцев и самих эвакуационных чиновников. Ошибки в вывозе населения, его распределении и обеспечении проявились уже в первые месяцы войны. Зачастую местные власти и эвакуационные чиновники не знали, что делать с беженцами, так как не привыкли самостоятельно принимать решения.

Беженцы открыто высказывали своё возмущение тем, что власти о них совершенно не заботятся. Нарком внутренних дел Казахстана Алексей Бабкин, сравнивая условия перемещения депортированных и эвакуированных, в октябре 1941 г. отмечал, что в отличие от последних проезжавшим депортированным немцам на перроне накрывают столы, и персонал буфетов за 30–40 мин. успевает накормить целый поезд и снабдить кипятком в дорогу [19]. Далее Бабкин указывал, что по прибытию на конечную станцию депортированным немцам транспорт для развоза по колхозам предоставлялся в течение 5–10 часов, в то время как эвакуированные ожидали его 5–6 дней [20].

Из-за ошибок в планировании потоков поездов с беженцами в Казахстане многие из них «застряли» там на недели. Увидев беспомощность чиновников эвакуационного пункта в г. Алма-Ата, растерявшихся перед лицом прибытия большого числа беженцев, Алексей Бабкин 22 октября 1941 г. заменил их временно своими офицерами. Согласно его докладу они за 3 часа смогли распределить скопившихся на станции несколько тысяч беженцев, отправив их по областным центрам [21]. Тем не менее, перераспределение было, вероятно, сделано с учётом их просьб, на что указывают сообщения в докладе о расселении в пригородах Алма-Аты матерей, дети которых попали в больницы и о том, что эвакуационные чиновники бездушно относятся к заявлениям эвакуированных, что подтвердил примерами [22].

Но позже ситуация вернулась на круги своя. На 5–6 узловых станциях Казахстана в начале декабря 1941 г. скопилось более 500 вагонов с беженцами [23]. Их число можно оценить в 40–45 тыс. чел., учитывая, что беженцы вывозились в вагонах, куда часто набивалось до 80–100 чел., но больше (90,4 %) в так называемых теплушках, где размещалось от 50 до 80 чел. [24]. На небольшой узловой станции Джамбул с 90-тысячным населением столпилось треть всех этих вагонов с 12–15 тыс. чел., и ожидалось ещё 5 эшелонов [25], в которых оценочно находилось 9–10 тыс. чел. Во время простоя вагонов беженцы старались далеко от них не отходить, так как об отправке поезда с беженцами заранее не объявлялось. Имеются многочисленные свидетельские показания того, как во время таких внезапных возобновлений движения беженцы теряли своих родных, в т. ч. часто детей, и важное для них имущество, особенно в свете проблем предстоявшего выживания. Очень тяжело было тем беженцам, которые переезжали на большие расстояния. Длительное путешествие в тесных и душных вагонах теплушек в условиях нехватки пищи и воды для питья делало их жертвами заразных болезней.

Иногда смертность в дороге принимала чрезвычайные размеры. Из 240 учащихся одного из ленинградских ремесленных училищ за время пути в г. Сталинск Новосибирской обл. в феврале 1942 г. из-за скудного питания, холода, антисанитарии и отсутствия медицинской помощи скончалось 26 [26].

Беженцы прибывали изнурёнными и больными. Вот как описывал очевидец первый поезд, прибывший с беженцами из г. Харькова в г. Алма-Ата: «Окна в вагонах были выбиты, заделаны фанерой, а где тряпьем. В стенах зияли дыры от пуль и колков снарядов. И в этих вагонах – люди. Грязные и заросшие, с пожелтевшими, опухшими лицами, с сиплыми, простуженными голосами. А на детей страшно было смотреть. Изнурённые дальней дорогой, они кашляли, просили есть. В них еще теплилась жизнь» [27].

Работники эвакуационных пунктов, как правило, старались помочь, однако их было недостаточно для помощи проходившим через них тысячам беженцев. С другой стороны, они часто опасались или не хотели проявлять инициативу. К тому же сильно централизованный и потому тяжёлый бюрократический советский механизм не успевал перестроиться для помощи питанием, транспортом, медицинским обслуживанием, а также деньгами.

Финансовые организации не успевали быстро выделить для этого средства, возобновить выплату пособий, стипендий и пенсий, получаемых беженцами прежде, а также оформить выплаты за воюющих членов семей. Чиновники всех рангов ожидали инструкций и согласований ведомств даже по самым мелким вопросам. Когда у беженки Рабинович осенью 1941 г. в пути заболел ребёнок, и он был помещён в больницу на станции Угловой (Казахстан), то по выздоровлению вопрос его доставки к ней в г. Семипалатинск местные эвакуационные власти не могли решить, и переписка дошла даже до заместителя начальника эвакуационного отдела всей республики М. Яковлева [28]. Его же запрашивали, что делать с незнающими русский язык эвакуированными из Прибалтики [29].

Власти не ожидали большого потока беженцев в Среднюю Азию и в частности в Узбекистан, который, как оказалось, был не готов к их приёму. С целью сократить численность беженцев в Узбекистане, Государственный Комитет Оборона в ноябре 1941 г. принял постановление о выселении оттуда бывших польских граждан – поляков и евреев [30]. В рамках этого решения с 25 ноября по 5 декабря 1941 г. из Узбекистана в казахские колхозы были насильно депортированы 36 500 польских беженцев [31], что было самой большой акцией по их переселению за всё время германо-советской войны. При этом ради выполнения плана местные исполнительные власти депортировали со своих мест даже беженцев, хорошо устроившихся в узбекских колхозах [32]. Депортация производилась, несмотря на протест польского посольства, выдвигавшего в качестве аргумента неготовность колхозов принять беженцев, среди которых из-за суровых климатических условий была возможна большая смертность [33].

Власти на этом не успокоились. В рамках второй депортации 8 декабря 1941 г. было решено отправить в колхозы южных районов Киргизии и скопившихся на железнодорожных станциях Казахстана других 21 500 беженцев – выходцев из Польши [34].

В дальнейшем переселения носили меньшие масштабы [35], т. к. с одной стороны власти предпочли направлять в Казахстан и Киргизстан вновь прибывавших советских беженцев, а с другой стороны сами польские беженцы стали осторожней. Кроме того, власти начали принимать в расчёт наличие среди польских беженцев большого числа городских жителей, особенно среди евреев, не имевших

опыта сельскохозяйственных работ и, поэтому, использование их там представлялось им уже нецелесообразным.

Худшие опасения польского посольства сбылись. В ряде мест Казахстана и Киргизии местные власти испытывали большие трудности даже с размещением беженцев на жительство [36], не говоря уже об их продовольственном обеспечении. Предпринимавшиеся властями некоторые меры помощи польским беженцам в Казахстане и Узбекистане [37], не принесли ощутимых результатов, т. к. были недостаточными и до конца продуманными. Поэтому, большинство тех депортированных в казахские колхозы, кто смог пережить голодную и суровую зиму 1941–1942 гг., самостоятельно вернулись весной в более тёплый Узбекистан. Туда же перебрались и многие беженцы (в т. ч. советские граждане до 1939 г.), поселившиеся в этих колхозах по направлениям эвакуационных пунктов.

Власти особенно пытались ограничить прибытие беженцев в г. Ташкент. По воспоминаниям Давида Салопа их спросил чиновник на узловой станции в Куйбышевской обл., куда они хотят дальше ехать. «Мы говорим, нам бы в г. Ташкент». «Нет, – отвечают, – там уже полно народа, эпидемии начинаются». Спутникам Д. Салопа предложили поехать в Казахстан, и они согласились [38]. Хотя с октября 1941 г. власти препятствовали прибытию беженцев не только в г. Ташкент, но и в г. Алма-Ату и потом прописки там [39], многим удавалось проникнуть в эти города, выйдя из поезда чуть раньше прибытия или через несколько станций после его отхода.

Города Алма-Ата и Ташкент оказались сильно переполненными беженцами. Не желая применять к советским эвакуированным такие же жёсткие меры, как и к бывшим польским гражданам, возможно из-за того, что первые были лояльней, власти попытались уговаривать их уехать. В октябре 1941 г. новоприбывшим в г. Алма-Ата советским беженцам было предложено перебраться в Сибирь или на Север, на что вновь прибывшие отвечали – «туда ехать не можем, т. к. не имеем соответствующей одежды, и если Вы не оставите здесь или в [других – А. К.] тёплых районах, мы предпочитаем смерть» [40].

Большинство низовых и даже средних представителей эшелонов власти во всех восточных регионах тяготились заботой о беженцах, т.к. выполняли множество разных задач, самой ответственной из которых было обеспечение деятельности колхозов и промышленных предприятий, особенно оборонных. Поэтому помощь прибывшему населению стала только побочным вопросом, которым они не редко пренебрегали или старались от него вообще избавиться, отправляя беженцев кого куда. Председатель колхоза «Коммунары» Кустанайской обл. Казахстана Усатенко заявил им: «Здесь зимы холодные, удирайте отсюда, пока зима вас не застала» [41].

Более того, часть руководителей колхозов демонстративно притесняли беженцев. Многие низовые администраторы ничего не делали для того, чтобы помочь семьям с обеспечением тёплыми вещами. Ещё большей проблемой была обувь. Особенно властям было тяжело решить проблему с зимней детской обувью. Из-за её отсутствия многие дети не посещали зимой и даже осенью школу.

Большинство беженцев были горожанами (даже не из гг. Москвы и Ленинграда), что подтверждается статистикой. Среди 1273 беженцев, прибывших в г. Кызыл-Орду в сентябре 1941 г. одним эшелоном, сельских жителей было только 92 чел. – 7,15 % [42].

Горожане тяготились работой в сельском хозяйстве, поскольку были к ней непривычны. Барбара Пиотровска-Дубик описывает как в одном казахстанском колхозе москвички и калужанки отказывались работать в свинарнике из-за вони [43]. Хотя евреи из местечек имели опыт огородничества, со сложными и тяжёлыми сельскохозяйственными работами они были тоже незнакомы. Горожане отказывались работать в колхозах также ещё и в надежде, что их поселят в городах, если увидят, что пользы от них мало. Люди тяготились сельским трудом ещё и потому, что в колхозах им предоставлялась наиболее чёрная работа и низкая оплата трудоднями. Часть беженцев были больны сами или должны были ухаживать за больными членами семьи или маленькими детьми.

Отказавшиеся от колхозной работы, жили за счёт продажи привезённых вещей, мелких неофициальных заработков и получения денег «по аттестатам», т. е. на зарплату воюющих родных. С такими беженцами высшие и средние администраторы предписывали подчинённым вести разъяснительную работу, в то время как многие низовые администраторы становились на более практический путь воспитания беженцев, претворяя в жизнь очень популярный советский лозунг «кто не работает, тот не ест». Даже за дни, когда беженцы были больны, председатели колхозов не выдавали им государственного хлебного пайка. Проживавших в деревнях и сёлах беженцев председатели колхозов и сельсоветов лишали государственных пайков и в тех случаях, когда сами не обеспечивали их работой, в т. ч. и имевшейся неквалифицированной [44].

Несмотря на малый довоенный сельскохозяйственный опыт или его полное отсутствие, чтобы выжить беженцы вовлекались в разные виды колхозных работ. Некоторые из них добились значительных успехов. Людмила Амромина за хорошую работу трактористкой в бурятском колхозе получила корову [45]. Коган в колхозе «Ворошилов» в Киргизии за короткое время выработал 90 трудодней, за что был упомянут в газете «Правда» [46]. Александра Брильман и Роза Бершадер стали передовыми колхозницами в казахских колхозах им. Ворошилова и «Работник» [47].

Поскольку свободного жилья в восточных районах СССР было мало или вообще не было, а рассчитывать, что местные жители добровольно потеснятся, особо не приходилось, власти принудительно подселяли к ним беженцев согласно закону о военном времени, принятому ещё в 1931 г. В Киргизии в начале войны была установлена норма жилья в 8,25 кв. м, но в сентябре 1941 г. её сократили решением Совнаркома республики до 5 кв. м. [48]. Арендная плата была рыночной, хотя эвакуационные ведомства пытались ограничить её верхние пределы (оказывая иногда давление на хозяев через прокуратуру), чтобы облегчить положение беженцев.

Несмотря на принятые меры для беженцев не нашлось много свободной и пригодной жилой площади. Повсюду они размещались в тесноте. В Алма-Ате были случаи проживания 12 беженцев на 9 кв. м. [49]. Все беженцы, как в городах, так и в колхозах, страдали от холода. Топливные проблемы были связаны с отсутствием рабочих для заготовки дров и транспорта для их доставки.

Низовые и средние эшелоны администраторов почти не делали разницы в подходе к семьям беженцев, члены которых были на фронте рядовыми или сержантами, и остальными, поскольку первых было очень много. Лишь изредка они получали дополнительные продукты и товары, больше ради публичной демонстрации заботы о